

ИДЕЯ ЦАРСТВА БОЖІЯ

въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія.

(Богословско-апологетическое изслѣдованіе).

VIII.

Промысль Божій въ исторіи и наука (Опытъ научнаго построения философіи исторіи въ теоріи историческаго прогресса проф. Н. Карѣва).

Главная особенность христіанской философіи исторіи заключается, какъ видѣли, въ томъ, что она признаетъ въ исторіи планъ или разумность историческаго процесса; но и другія теоріи философско-историческія признаютъ планъ въ исторіи, напримѣръ, философско-историческая теорія Гегеля, даже Конта, въ особенности же Гердера, Шлегеля, Лорана, Лессинга и Шеллинга. У Гердера, Шлегеля и Лорана послѣдняя цѣль исторіи представляется какъ развитіе человѣчности, или всѣхъ лучшихъ сторонъ человѣческой природы, подъ воздѣйствіемъ Промысла Божія, управляющаго исторіей и природой. Въ особенности близко къ христіанству подходятъ Лессингъ и Шеллингъ; ихъ идеи носятъ не только нравственный, но и чисто религіозный характеръ: по ихъ мнѣнію, исторія есть откровеніе Божества, воспитаніе человѣчества Промысломъ Божиимъ,—воспитаніе, послѣдняя цѣль котораго заключается въ истинномъ познаніи Божества и религіозномъ отношеніи къ Нему человѣка. Итакъ, признаніе цѣлесообразности или плана въ историческомъ процессѣ не есть особенность только христіанской философіи исторіи. Планъ или порядокъ въ исторіи отрицаютъ только тѣ философско-историческія теоріи, которыя основаны

на такъ называемой точной наукѣ. Возрѣніе на исторію, какъ на единый и цѣльный процессъ, совершающійся по одной предначертанной схемѣ, формулѣ или плану, не принимается въ „научной“ теоріи философіи исторіи. Теорія эта, конечно, стоитъ на почвѣ, такъ называемой эволюціонной науки. Но эта наука имѣетъ дѣло не съ конечными, а лишь съ дѣйствующими причинами, не задается вопросомъ „почему“, а интересуется только вопросомъ: „какъ?“ Для нея собственно какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи, нѣтъ ничего единого, общаго, а есть только частное, многое, отдѣльныя явленія. Подобно этому и историческія явленія, и факты исторіи для нея суть смѣна разнообразнѣйшихъ явленій, управляемыхъ только законами психологіи и социологіи. На основаніи этихъ законовъ психологіи и социологіи можно установить формулу развитія отдѣльныхъ народовъ, но не всего человѣчества. Такъ формулируетъ возраженіе противъ вышерассмотрѣнныхъ концепцій философіи исторіи, напр., проф. Н. Карѣевъ ¹⁾. Для науки, отвергающей Верховный Разумъ или первую Причину всего, исторія есть, конечно, лишь „сцѣпленіе случайностей“ или—„случайная конфигурація“; какъ все существующее, человѣческая исторія должна выводиться въ современномъ механическомъ міросозерцаніи изъ дѣйствія одного случая ²⁾...

Итакъ, въ опытахъ научнаго построенія философіи исторіи планъ или порядокъ отвергается въ дѣйствительности лишь на основаніи общаго характера современной науки, вытекающаго изъ ея общей конструкціи, а не изъ какихъ-либо другихъ дѣйствительныхъ основаній. Само собою понятно, что если почва, на которой стоитъ наука, ненадежна, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны рушиться и всѣ теоріи, построенныя на ней. Такою почвою научной теоріи философіи исторіи служитъ принципъ эволюціи (развитія). Онъ положенъ въ основу всѣхъ отраслей научнаго знанія, какъ біологія, астрономія, геологія, социологія, этика, религія и проч.; естественно. явилась и философія исторіи, построенная на этомъ началѣ.

¹⁾ Проф. Н. И. Карѣева *Основные вопросы философіи исторіи* (Критика исторіософическихъ идей и опытъ научной теоріи историческаго прогресса). Т. т. 1—2, Москва 1883, см. т. I, стр. 115, 116, 117, 143, 144 и др.

²⁾ *Основные вопросы философіи исторіи* I, 193, 154.

Идея развитія легла въ основу современнаго научнаго міропониманія въ качествѣ его краеугольнаго камня. Сдвинуть этотъ камень здѣсь мимоходомъ, конечно, никому не под силу: легче поколебать вѣдь истину, чѣмъ потрепсти ложную идею, получившую въ сознаніи людей значеніе абсолютной истины, непреложнаго догмата... Довольно ограничиться указаніемъ на то обстоятельство, что во многихъ областяхъ знанія примѣненіе принципа развитія оказывается невозможнымъ, и самый принципъ не оправдывается фактами: въ лицѣ дарвинизма, напр., идея развитія терпитъ пораженіе въ области біологіи и зоологіи, и дарвинизмъ нынѣ переживаетъ серьезный кризисъ по признанію самихъ, не совсѣмъ ослѣпленныхъ, адептовъ его; такое же пораженіе терпитъ принципъ развитія на почвѣ астрономіи въ лицѣ Канто-Лапласовской теоріи мірообразованія, еще до астронома Фая возбуждавшей сомнѣнія; примѣненіе идеи развитія является нелегкимъ дѣломъ и въ отношеніи къ исторіи религіи, начинающейся, къ невыгодѣ теоріи развитія, монотеизмомъ, а не фетишизмомъ и т. д. Однимъ словомъ, идея развитія есть непреложная истина лишь для предубѣжденныхъ, а далеко не для всѣхъ. Съ нею трудно бороться, какъ съ предразсудкомъ вообще. Впрочемъ, здѣсь нѣтъ надобности дѣлать это. Достаточно было отмѣтить шаткость принципа или той почвы, на которой построены научныя теоріи философіи исторіи, чтобы послѣднія лишились права претендовать на особенное значеніе. То, въ чемъ полагають ихъ силу, т. е. согласіе съ основнымъ догматомъ современной науки, составляетъ слабость въ глазахъ всѣхъ, еще не нашедшихъ возможности увѣровать въ догматъ развитія. Между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, проф. Карѣевъ возлагаетъ на это обстоятельство главныя свои надежды.

Въ своихъ возраженіяхъ противъ телеологіи въ исторіи этотъ ученый, говорящій отъ имени науки, впадаетъ въ одну очень крупную ошибку, когда считаетъ сильнѣйшимъ аргументомъ противъ нея именно этотъ и другіе догматы своего научнаго катехизиса, неполучившіе общаго признанія. Онъ говоритъ, что признаніе порядка въ исторіи несогласно съ истиною, съ наукою,—вмѣсто того, чтобы сказать, что признаніе порядка въ исторіи не вяжется съ общимъ характеромъ той науки, какую признаеть и знаетъ г. Ка-

рѣвѣвъ. Въ этихъ возраженіяхъ онъ идетъ и далѣе этой общей логической ошибки—до болѣе грубаго неуваженія къ требованіямъ логики. Вотъ, напр., какой аргументъ приводитъ г. Карѣвѣвъ къ отрицанію плана или порядка въ исторіи. „Почему же мы отказываемъ ходу всемірной исторіи въ планомѣрности? Основаніе одно: ходъ всемірной исторіи есть не что иное, какъ хаотическое сцѣпленіе случайностей, происходящихъ во времени“¹⁾. Другими словами: мы отказываемъ ходу всемірной исторіи въ планомѣрности и настаиваемъ на его случайности по тому вѣскому соображенію, что ходъ всемірной исторіи случаенъ!.. (Если не ошибаюсь, въ логикѣ эта ошибка называется *petitio principii*, когда доказывающимъ служитъ доказываемое).

Не болѣе удачнымъ логически представляется и другое возраженіе г. Карѣева противъ телеологіи въ исторіи. Планъ, по нему, долженъ быть открытъ *à posteriori*, а не *apriori*, выведенъ изъ фактовъ, представляющихъ дѣйствительный ходъ исторіи, и быть плодомъ обобщенія этихъ эмпирическихъ данныхъ исторіи²⁾. Требованіе г. Карѣева по существу дѣла неисполнимо: такое обобщеніе невозможно при незаконченности историческаго процесса. Въ этой незаконченности историческаго процесса вмѣстѣ съ тѣмъ лежитъ приговоръ и культу случая въ исторіи. Исторію можно сравнить съ недоконченною книгою. Подождемъ произносить судъ надъ нею, пока не прочтемъ послѣдней ея страницы: послѣдняя страница великой книги исторіи должна рѣшить, есть-ли въ ней смыслъ, или же она „хаотическое сцѣпленіе случайностей“... Признаніе за случаемъ роли фактора въ исторіи, такимъ образомъ, пока побудетъ лишь слѣдствіемъ неудачнаго и преждевременнаго „обобщенія данныхъ исторіи“³⁾.

Въ своихъ возраженіяхъ противъ телеологической концепціи философіи исторіи проф. Карѣвѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ еще неудобный въ критикѣ недостатокъ, — неумѣнье стать на точку зрѣнія противника. Исторія слагается

1) *Основные вопр. Филос. исторіи* I, 198.

2) I, 143.

3) См. нашей книги *Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣрованія*, т. I², § 34, стр. 400—402 изъ отд. о Промыслѣ.

изъ отдѣльныхъ волю, вѣщаетъ тономъ оракула г. Карѣевъ, а „на волю всѣхъ людей не дѣйствуетъ никакая единая общая причина“, какъ напр. физическая сила тяжести дѣйствуетъ на всѣ частицы падающаго тѣла ¹⁾. Въ христіанской концепціи философіи исторіи однако указывается дѣйствіе въ мірѣ и исторіи такой единой и общей причины въ лицѣ Божественнаго Промысла, и потому изреченію г. Карѣева должно было предшествовать предварительное опроверженіе противной теоріи въ этомъ именно пунктѣ ея, чего не сдѣлано, и, конечно, сдѣлано быть не можетъ. Г. Карѣевъ довольствуется голословнымъ исповѣданіемъ своего символа вѣры, который далеко не всѣми признанъ и требуетъ еще оправданія.

Нельзя, говорить онъ же, знать планы Провидѣнія и потому въ телеологическихъ концепціяхъ философіи исторіи вынуждены навязывать исторіи свои субъективныя намѣренія и планы, „вносить свои человѣческія идеи и чисто личныя мнѣнія“, „приписывать Божеству свои человѣческія желанія“ (I, 159 и 160 ср. 197). Опять здѣсь г. Карѣевъ за своимъ катехизисомъ забываетъ чужіе, какъ будто-бы послѣднихъ и не существовало! Онъ забываетъ, что христіанская философія исторіи строится не на субъективной почвѣ человѣческихъ идей и вкусовъ, а на объективной почвѣ Божественнаго Откровенія, поскольку Самъ Богъ для спасенія человѣка открываетъ ему часть Своихъ плановъ, именно планъ домостроительства спасенія людей во Христѣ и его ходъ и осуществленіе въ исторіи ²⁾.

Наконецъ, г. Карѣеву признаніе плана въ исторіи или „провиденціализмъ“ кажется отрицаніемъ свободы или фатализмомъ, а признаніе свободы—отрицаніемъ Промысла, а съ нимъ вмѣстѣ и плана въ исторіи ³⁾. Но это возраженіе достаточную опѣнку давно уже нашло себѣ въ богословской наукѣ, ея предусмотрѣно ⁴⁾.

Чего напрасно г. Карѣевъ ищетъ въ религіозной концеп-

¹⁾ Проф. Карѣева I, 153.

²⁾ Ср. еще *Опытъ апологетическаго изложенія христіан. вѣроученія*. I, § 23, стр. 258—259.

³⁾ Проф. Карѣева I, 168, 172.

⁴⁾ *Опытъ апологет. излож. христ. вѣроученія* I, § 31, стр. 369—373; ср. А. И. Лопухина „Промыслъ Божій въ исторіи человѣчества“ стр. 55—73.

ціи філософії історіи, то даєть самъ въ своемъ опытѣ положительнаго построєнія філософско-історической теоріи, когда отыскиваетъ и устанавливаетъ смыслъ історіи, производитъ „судъ надъ історією“ съ точки зрѣнія субъективныхъ человѣческихъ идеаловъ и „чисто-личныхъ человѣческихъ мнѣній“ и говоритъ даже о необходимости и законности „субъективизма въ історіи“¹⁾. Въ „научной“ теоріи філософії історіи, конечно, историку приходится руководиться субъективными и гадательными мнѣніями за отсутствіемъ объективныхъ критеріевъ истины, даваемыхъ Божественнымъ Откровеніемъ. Нѣтъ надобности разъяснять, что положеніе христіанскаго историка въ вопросѣ болѣе надежно...

Съ точки зрѣнія эволюціонизма исторической процессъ или жизнь человѣчества не можетъ имѣть *цѣли* въ смыслѣ заранѣе преднамѣченнаго послѣдняго результата процесса. Казалось-бы въ такомъ случаѣ історія должна была-бы лишиться и смысла; но въ „научной“ теоріи г. Карѣва это не мѣшаетъ історіи имѣть смыслъ. Да, історія имѣетъ смыслъ, хотя она есть „хаотическое сдѣленіе случайностей“! Смыслъ історіи въ томъ, что въ історіи есть *прогрессъ* (I, 243). Прогрессъ—въ удовлетвореніи всѣмъ потребностямъ развитой личности, содѣйствіи ея совершенству, а чрезъ то счастью; словомъ, счастье личностей есть цѣль історіи и верховный критерій прогресса. Історія ведетъ насъ къ большому и большому счастью въ смыслѣ чисто-эвдемонистическомъ, и не смотря на предупрежденіе автора, г. Карѣва, читатель его книги выноситъ то вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что онъ „дѣлаетъ принципомъ этики и исторіософическимъ критеріемъ грубый эвдемонизмъ“ (I, 456). Идеаль Карѣвской этики и історіи „въ такомъ устройствѣ обществъ, которое не будетъ требовать самоотверженія“ отъ личностей и позволить повиноваться нравственному чувству безъ противорѣчія „личному наслажденію и личной пользѣ“ (I, 454—455). Въ этическихъ своихъ понятіяхъ и въ опредѣленіи формулы прогресса г. Карѣвъ рабски слѣдуетъ этикѣ Спенсера. Его теорія прогресса „цѣликомъ выводится изъ спенсеровскихъ же взглядовъ“ въ области этики (I, 450; см. 450—455), и „эволюціонизмъ Спенсера во-

¹⁾ Проф. Карѣва I, 382, и дал., 242.

обще даетъ много объективныхъ основъ для субъективной формулы прогресса“ г. Карѣева (II, 326, см. и 327) ¹⁾.

Такимъ образомъ г. Карѣевъ въ своей философско-исторической теоріи отводитъ весьма почетное и широкое мѣсто личности, ставя ее исключительно цѣлью исторіи (I, 395 — 415; II, 299 и д.). Въ этомъ пунктѣ его теорія чужда недостатка, свойственнаго многимъ метафизическимъ абстрактно-идеалистическимъ концепціямъ въ области философіи исторіи, какія находимъ, напр., у Конта, Гегеля, Шиллера и др.: здѣсь общее и цѣлое заслоняетъ частное и индивидуальное, личность дѣлается средствомъ общества, и исторія въ концѣ концовъ—для „имѣющихъ придти послѣдними“ (ср. I, 449). Но христіанскою схемою не исключается, а включается благо личности въ ходъ историческаго процесса, гдѣ общее и индивидуальное гармонически сочетается ученіемъ о цѣнности личности и о любви, какъ условіи ея развитія, и гдѣ личность не приносится въ жертву обществу, какъ это наблюдается въ языческой исторіи. Общее благо въ христіанскомъ смыслѣ есть царство Божіе; но оно достигается лишь благомъ отдѣльныхъ лицъ, христіански понимаемымъ: оно создается на искупленіи отъ зла, на счастіи и совершенствѣ всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, каждой отдѣльной души, входящей, какъ членъ, въ составъ царства Божія. Но „идеальное общество“ г. Карѣева, гдѣ служеніе личности общему благу совмѣщается съ безпечальнымъ и безмятежнымъ существованіемъ, блаженствомъ ея, есть скорѣе общество утопическое, невозможное ни психологически, ни физически въ настоящихъ условіяхъ. Мы знаемъ и предпочитаемъ этому утопическому обществу исторіей упроченное и оправданное общество, гдѣ личность обрѣтаетъ свое блаженство и совершенство на пути самоотверженной любви къ ближнимъ и самоотреченія... (ср. II, 319).

¹⁾ Кромѣ „эволюціонизма Спенсера“ г. Карѣеву помогаетъ въ построеніи научной теоріи прогресса еще дарвинизмъ и законъ Конта о трехъ фазисахъ умственнаго развитія: г. Карѣевъ то и другое принимаетъ какъ непреложныя истины науки (см. II, 305 — 306; II, 371 ff, 377 ff.).. Такъ какъ правильную оцѣнку научно-философская теорія прогресса, принадлежащая проф. Карѣеву, можетъ получить въ связи съ общимъ его научно-философскимъ міросозерцаніемъ, то для опредѣленія послѣдняго желающихъ отсылаю къ своей брошюрѣ: *О выработкѣ міросозерцанія въ учащейся молодежи по руководству проф. Н. Карѣева*. Казань 1896.

Въ научной философско-исторической теоріи проф. Н. Карѣва подробнѣе развивается формула прогресса и точнѣе опредѣляется содержаніе идеи прогресса. Человѣчество прогрессируетъ въ счастіи, но это только потому, что оно прогрессируетъ въ развитіи и совершенствованіи человѣчности, а это послѣднее свое выраженіе находитъ въ томъ, что называется культурою („надъорганической средою“ по терминологіи г. Карѣва). Естественно, что прогрессъ историческій сводится въ частности къ прогрессу именно культуры, т. е. совершенствованію и улучшенію „надъорганической среды“,—улучшенію „міросозерцаній, моральныхъ доктринъ, политическихъ, юридическихъ и экономическихъ институтовъ, существующихъ на благо или на зло человѣку“ (I, 454 ср. II, 318). Такимъ образомъ, „общее понятіе прогресса разлагается“ у г. Карѣва „на пять частныхъ понятій“: прогрессъ умственный, нравственный, политическій, юридическій и экономическій (II, 330). Въ этихъ пяти пунктахъ наблюдается г. Карѣвымъ неукоснительное шествіе исторіи по пути прогресса. Къ удивленію нашему, прогрессируетъ исторія во всѣхъ этихъ отношеніяхъ въ точномъ согласіи съ духомъ, началами и катехизисомъ той, отсталой теперь отъ времени и идущей на убыль, школы, которая можетъ быть названа позитивно - матеріалистической. Прогрессируетъ именно ея міросозерцаніе, ея мораль и т. д.! „Улучшеніе міросозерцанія“, напр., согласно Ог. Конту, состоитъ въ постепенномъ освобожденіи отъ узъ религіи, этой первобытной стадіи умственного развитія (II, 318, 377—378) и т. п. Однимъ словомъ, утративши всякое чутье къ требованіямъ времени и сознаніе окружающаго, въ наивномъ самообольщеніи оптимизма адепты односторонняго и выдыхающагося матеріалистическо-позитивнаго міросозерцанія съ упорствомъ продолжаютъ мечтать, что весь міръ, самая исторія идутъ все впередъ и впередъ подъ ихъ изветшавшимъ и истрепаннымъ знаменемъ... Въ виду этого становится совершенно яснымъ, что г. Карѣвъ вступаетъ въ самое грубое противорѣчіе въ своей теоріи съ имъ же самимъ выставленными требованіями, что бы субъективизмъ въ исторіи не былъ произволомъ и исключалъ *личныя пристрастія и односторонности* (II, 397).

Г. Карѣвъ не позабываетъ слѣлать видъ, что идея о прогрессѣ въ исторіи у него не есть догматъ и основывается

не на простой вѣрѣ, но имѣетъ „научныя“ основанія. Онъ даетъ „номологию“ прогресса или ученіе о его законахъ и условіяхъ, говоритъ „о причинахъ и условіяхъ его возможности“ (т. II, кн. IV, особ. гл. 2). Изъ многого, о чемъ туманно распространяется г. Карѣевъ, выдѣляются въ качествѣ главныхъ слѣдующіе факторы прогресса. Во-первыхъ, особенныя надежды возлагаются на наслѣдственность или „органическую эволюцію“, въ согласіи съ догматомъ естественнаго подбора или дарвинизма. Благодаря закону наслѣдственности или накопленія пригодныхъ виду признаковъ, вѣдь совершилось и самое перерожденіе животнаго въ человѣка (II, 306 f.); благодаря ему и впредь должны передаваться наслѣдственно всѣ полезныя человѣческому виду накопленія, не исключая и нравственныхъ качествъ (II, 309, 311), такъ-что „при нормальномъ ходѣ дѣла съ каждымъ новымъ поколѣніемъ люди *должны* рождаться все съ большими задатками къ умственному, нравственному и социальному развитію“, т. е. „рождаются болѣе добрыми, умными, общительными“ (II, 317, 316 и особ. 311). Нужды нѣтъ что между *есть* и *должно быть* существуетъ нѣкоторая разниа: фанатическая „номология прогресса“ игнорируетъ ее!.. И такъ, добро, какъ его понимаетъ г. Карѣевъ, неизбежно торжествуетъ въ исторіи; „альтруизмъ“ прогрессируетъ, человѣкъ-звѣрь ослабѣваетъ.. (II, 311).

Для оптимиста не существуетъ тѣхъ затрудненій и сомнѣній, какія переживаютъ теперь и вожди эволюціонизма, въ родѣ Т. Гексли, затрудняющіеся примирить прогрессъ нравственный съ принципомъ борьбы за существованіе. По теоріи наивнаго оптимизма борьба за существованіе должна смягчаться, ослабѣвать, что бы окончательно исчезнуть изъ человѣческаго общества. Основанія къ надеждѣ на это выставляются далеко не вѣскія, какъ всегда бываетъ тамъ, гдѣ дѣйствуетъ надежда. Основанія г. Карѣева не только не вѣски, но и въ явномъ неладѣ съ логикою. Возможно-ли устраненіе борьбы за существованіе, спрашиваетъ г. Карѣевъ? И отвѣчаетъ: „мы думаемъ, что возможно. У животнаго матеріальный интересъ—все, оно живетъ, что бы ѣсть, тогда какъ человѣкъ *долженъ* не жить, чтобы ѣсть, а ѣсть, что бы жить“ (II, 320). Тутъ, очевидно, смѣшиваются двѣ различныя логическія категоріи: *должное* и *возможное*... Еще

хуже: главная причина борьбы за существованіе въ цивилизованныхъ обществахъ пока „въ сравнительно - невысокой степени нравственнаго развитія“, т. е. главная причина невысокаго нравственнаго уровня современныхъ обществъ въ ихъ невысокомъ нравственномъ уровнѣ (II, 325)! Здѣсь однако, и въ опредѣленіи формулы прогресса, авторъ указываетъ источникъ своего оптимизма и радужныхъ мечтаній въ Спенсерѣ: „наша точка зрѣнія въ этомъ отношеніи совпадаетъ съ спенсеровской“... (а оптимизмъ Спенсера не имѣетъ границъ) ¹⁾.

Второй факторъ прогресса это—„эволюція надъорганическая“, т. е. улучшение всѣхъ элементовъ культуры путемъ личной самодѣятельности, критики, воспитанія, вообще воздѣйствія на среду ²⁾. Послѣ этого г. Карѣву оставалось завершить „номологию прогресса“ удовлетворительнымъ разъясненіемъ противныхъ его теоріи фактовъ неподвижности, вырожденія и вымиранія культуръ въ исторіи при дѣйствіи всѣхъ общихъ факторовъ прогресса. Г. Карѣвъ и пытается сдѣлать это въ II, 330—344, особ. 331. Подобные факты онъ хочетъ объяснить преобладаніемъ или перевѣсомъ „органической эволюціи“ надъ „эволюціею надъ-органическою“ въ начальныхъ періодахъ культуры того или иного народа. Но это обстоятельство есть причина общая и постоянная, вездѣ и всегда дѣйствующая; для объясненія неудавшихся цивилизацій, какъ цивилизація Индіи (II, 333), защитникамъ прогресса въ смыслѣ г. Карѣва слѣдовало-бы указывать только на исключительныя, а не постоянныя, и теперь дѣйствующія причины.

Заключаю: прогрессъ въ исторіи у проф. Карѣва есть догматъ вѣры его школы, а не научный выводъ, или истина научная. Это идолъ, передъ которымъ совершается безсмысленное поклоненіе иногда не только толпою, но и жрецами „научнаго культа прогресса“...

Въ своей философско-исторической теоріи прогресса проф. Карѣвъ выступаетъ передъ нами съ отрицаніемъ телеологическаго принципа или идеи о Промыслѣ Божіемъ въ исторіи отъ имени науки... Но можно-ли брать на себя отрицательное или положительное рѣшеніе какихъ-бы то ни было

¹⁾ Карѣва II, 329, 327—329.

²⁾ II, 315, 317, 367.

метафизическихъ и религіозныхъ проблемъ отъ имени дѣйствительной *точной* науки, когда эта послѣдняя область своей компетенціи ограничиваетъ изученіемъ явленій въ ихъ сосуществованіи и причинной связи и не идетъ здѣсь за предѣлы опыта? Очевидно, телеологическій принципъ изгоняется изъ исторіи не по требованіямъ науки, а по требованіямъ научной метафизики, какою здѣсь является метафизика позитивизма. Подтверженіемъ этого служитъ общеизвѣстный фактъ признанія Промысла Божія многими учеными, представителями положительнаго знанія. Многіе изъ ученыхъ возвысились надъ общераспространеннымъ въ ихъ средѣ предрасудкомъ, будто-бы закономерностью явленій въ природѣ исключается мѣсто для верховнаго Разума, какъ высшей Силы и первой Причины, дѣйствующей въ самомъ механизмѣ вселенной. Не такъ разсуждаетъ извѣстный англійскій ученый *Карпентеръ*. Наука, разсуждаетъ онъ, ставитъ своею цѣлью изображеніе явленій природы, какъ дѣйствія постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ. При поверхностномъ взглядѣ дѣйствительно порядокъ въ природѣ можетъ представляться механическимъ, а природа самодѣйствующею машиною, разъ навсегда неизмѣнно устроенною и законченною. Но при болѣе глубокомъ изслѣдованіи дѣла оказывается, что человекъ науки не можетъ обойтись безъ понятія о Силѣ, всегда дѣйствующей въ самомъ механизмѣ вселенной, и при томъ—разумной Силѣ. Научнымъ доказательствомъ разумности этой Верховной Силы природы служитъ именно постоянство или неизмѣнность законовъ природы, которое есть постоянство или неизмѣнность въ способѣ дѣйствія мірового Разума. Всѣ силы природы суть безсознательные слуги Премудраго и Всемогущаго Владыки, исполняющіе Его повелѣнія подобно дисциплинированнымъ членамъ большого, упорядоченнаго дома, въ которомъ всякій знаетъ свое дѣло и дѣлаетъ его. Для посторонняго и случайнаго наблюдателя совершеннѣйшая гармонія въ дѣйствіи ихъ можетъ представляться дѣломъ случая или простой дрессировки, но въ дѣйствительности-то она есть дѣйствіе единой направляющей Воли ¹⁾...

¹⁾ *W. Carpenter. Principles of Mental Physiology, 4-th ed. London 1876, p.p. 699 — 704; ср. Опытъ апологетич. излож. христіанск. вѣроученія I², 360—369.*

Указанный предразсудокъ, по которому Промыслъ Божій считается несомѣстимымъ съ закономѣрностью явленій природы, переносится изъ области естествознанія въ область исторіи и социологіи, поскольку и здѣсь открывается наукою дѣйствіе соотвѣтственныхъ законовъ или факторовъ, управляющихъ коллективною жизнью человѣчества и дѣйствующихъ съ правильностью законовъ физической природы. Естественнымъ слѣдствіемъ перенесенія этого предразсудка въ область исторіи является мнѣніе о невозможности идеалистической обработки философіи исторіи, съ тѣми или иными предположеніями идеализма, и совершенной достаточности одного каузальнаго объясненія историческаго процесса,—изъясненія его изъ однихъ дѣйствующихъ или вторичныхъ (механическихъ) причинъ („органической“ и „надорганической среды“) съ полнымъ устраненіемъ причинъ конечныхъ и самой идеи плана и разумной цѣли историческаго процесса. Для округленія механическо-материалистическаго пониманія исторіи исключается и свободная воля въ качествѣ фактора историческаго процесса, навстрѣчу чему идетъ особенно статистика съ эффектнымъ будто-бы подтвержденіемъ явной зависимости человѣческой воли, въ ея массовыхъ проявленіяхъ, отъ разнообразныхъ внѣшнихъ, сполна опредѣляющихъ ее, вліяній. Свобода воли—иллюзія; иллюзія и свободно-разумное творчество личности въ строеніи жизни, въ области исторіи. Все здѣсь замыкается въ желѣзной цѣпи необходимости; нѣтъ мѣста въ исторіи творческой силѣ разума и воли, а слѣд. нѣтъ такого Разума и такой Воли и *надъ* исторіею...

Какъ во внѣшней природѣ, такъ и здѣсь—закономѣрность историческаго процесса или социальныхъ явленій, показываемая наукою, нисколько не исключаетъ индетерминистическаго метода въ исторіи и идеалистическихъ предположеній въ ея обработкѣ. Закономѣрностью социальныхъ явленій не исключается свобода воли человѣческой,—остается и для нея мѣсто здѣсь. Философы—идеалисты и богословы всегда твердо высказывались въ этомъ именно смыслѣ, когда указывали на чрезмѣрные притязанія статистики въ рѣшеніи философско-психологической проблемы о свободѣ воли, но имъ, конечно, не вѣрили. Иной оборотъ принимаетъ дѣло, когда давняя мысль богослововъ и философовъ, сдѣлавъ

шаяся общимъ мѣстомъ, восходитъ на степень положенія научной истины, доказанной точнымъ научнымъ методомъ, когда эта мысль о совмѣстимости законмѣрности социальныхъ явленій со свободой воли является...выводомъ строго-математическимъ, результатомъ примѣненія именно *теоріи вѣроятностей среднихъ чиселъ* къ социологіи. Въ такой именно фазисъ вступаетъ исторія вопроса въ замѣчательномъ трудѣ русскаго ученаго математика *П. А. Некрасова*, представляющемъ дѣйствительно „математическій проектъ реформы социологіи на началахъ философскаго идеализма“, съ признаніемъ творчески-разумной воли человѣка въ строеніи исторіи и Верховной Божественной Воли надъ нею ¹⁾. Съ богословско-философской точки зрѣнія громадная заслуга труда *П. А. Некрасова* заключается не въ математическомъ доказательствѣ или рѣшеніи вопроса о свободѣ воли (это внѣ компетенціи математики), а въ томъ, что имъ научно и твердо доказана возможность совмѣщенія свободы воли съ законмѣрностью социальныхъ процессовъ; что примѣненіемъ математической схемы (теоріи вѣроятностей) къ изученію социальнo-историческихъ явленій или ихъ кавзальнымъ механизмомъ оставляется мѣсто для свободной воли и для „другихъ идеалистическихъ предположеній“. Короче говоря,

---

¹⁾ *П. А. Некрасовъ*. „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. (Пересмотръ основаній социальной физики Кетле)“. М. 1902 (Изд. Математич. Общ. при Моск. Университетѣ въ „Математич. Сборникѣ“ т. XXIII). Замѣчательнымъ трудомъ этимъ вызвана уже значительная литература, не считая реферата и дебатовъ въ Московск. Психолог. Общ., указанія на которую есть въ статьяхъ, вмѣющихъ и независимую цѣнность, проф. *П. В. Тихомирова*. „Математическій проектъ реформы социологіи на началахъ философскаго идеализма“ (*Богословскій Вѣстникъ* 1903, № 2); проф. *С. С. Глаголева*. „Факторы социальныхъ явленій“ (*Вѣра и Разумъ* 1903, № 1); проф. *А. И. Введенскаго*. „Подчинены-ли проявленія человѣческой дѣятельности опредѣленнымъ законамъ?“ (*Московскія Вѣдомости* 1902, № 302). Трудъ *П. А. Некрасова* давалъ бы прекрасный случай къ пересмотру основаній современнаго позитивно-материалистическаго міросозерцанія въ соответственной періодической печати, но обычнымъ господствомъ здѣсь „направленіской“ нетерпимости объясняется тотъ фактъ, что это крупное явленіе въ области научно-философской литературы здѣсь встрѣчается съ явнымъ недоброжелательствомъ и даже раздраженіемъ, въ доказательство чего пока см. *Русскія Вѣдомости* 1902, №№ 292 и 295; *Русская Мысль* 1903, № 2, статья *З.* „Тенденція и наука“...

при помощи математики устраняется самымъ рѣшительнымъ и блестящимъ образомъ одно изъ эффектныхъ и самыхъ распространенныхъ возраженій противъ свободы воли.

Абсолютное господство закона причинности надъ областью всего существующаго, а равно—областью социальныхъ явленій, не есть научная аксіома — вотъ главный результатъ труда П. А. Некрасова, богатый многими выводами въ направлении, противномъ господствующему въ наукѣ позитивно-матеріалистическому міросозерцанію! Только въ послѣднемъ, а не въ самой, слѣдовательно, наукѣ лежитъ причина того отрицательнаго отношенія къ идеалистической, а равно христіанской концепціи философіи исторіи, какое обнаружилось въ философско-историческихъ воззрѣніяхъ проф. Карѣева, напрасно выданныхъ за послѣднее слово науки! Истинная наука, какъ видимъ, даже столь точная, какъ математика, не только не мѣшаетъ вѣрѣ въ Бога, но можетъ подтверждать ее.

Прот. П. Свѣтловъ.

Кіевъ
12 марта 1903.
